

new cultural environment borrowed elements undergo different types of transformations. Their analysis demonstrates positive impact of some linguistic facts of the English language on the Russian culture of communication.

Key words: lingodidactics, intercultural communication, linguistic borrowings, culture of communication, political correctness.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров В. Г. Рассуждение о формах текста в общении: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 96 с.

2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

3. Тимашева О. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 192 с.

Д. С. Бородина

УДК 81'271.111

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процесс глобализации современного мира представляет собой расширение, углубление и ускорение контактов и сотрудничества во всех аспектах общественной жизни. Одним из наиболее значимых факторов глобализа-

ции мирового лингвистического пространства конца XX – начала XXI вв. стали контакты английского языка с национальными языками многих стран. Результатом контактов английского с национальными языками стало не столько появление в них новых элементов и структурных отношений, сколько возникновение новых вариантов английского, используемого в качестве второго, дополнительного иностранного языка наряду с национальными языками. Естественным следствием языкового процесса является увеличение числа социолингвистических публикаций, анализирующих отдельные секторы в мозаике глобального лингвистического континуума.

Многие из публикаций начинающих социолингвистов, исследующих вариативность английского или какого-либо другого языка, отличаются фрагментарностью и оставляют ощущение того, что авторы недостаточно представляют, какими путями складывалась универсальная методология социолингвистических исследований и насколько важен принцип преемственности в социолингвистике. А это напоминает притчу о слоне, которого ощупывали слепые эксперты, а затем предлагали свое заключение в зависимости от того, с какой частью они ознакомились.

Цель статьи – построить схему последовательных этапов становления социолингвистики второй половины XX в. как транснационального направления исследований взаимодействия языка и социума; наметить вехи формирования российской социальной лингвистики как науки; показать, что наука, в создании которой участвовали основатели многих национальных социолингвистических школ, с одной стороны, связана с предшествующим развитием лингвистической мысли и, с другой – более не ограничивается национальными или региональными рамками, каким бы частным ни был объект конкретного исследования.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: сопоставить различные дефиниции термина «социолингвистика»; указать предшественников современ-

ной социолингвистики, наметивших аспекты изучения языка в социальном контексте; охарактеризовать основателей социолингвистических течений и вклад, который они внесли в разработку социолингвистической методологии; раскрыть направления преемственности социолингвистического процесса в начале XXI в.

Прежде чем обсуждать появление социолингвистических школ второй половины XX в., необходимо очертить позицию автора относительно ряда общих положений, которые послужили предпосылками современного состояния социолингвистики. В «Социолингвистическом словаре» В. Ю. Михальченко социолингвистика определяется (следуя дефиниции А. Д. Швейцера) как отрасль языкознания, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества [17, с. 207].

А. Д. Швейцер подчеркивает междисциплинарный статус социолингвистики, которая развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, и использует в качестве основных операционных единиц социолингвистического исследования социолингвистические переменные, соотносящиеся, с одной стороны, с определенным уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), с другой – варьированием социальной структуры или социальных ситуаций [23, с. 481–482].

Используя формулировку З. И. Комаровой [12, с. 8], история социолингвистики как науки – это не только хронологическая последовательность теорий о языке в социальном контексте, но и история социолингвистического познания и, следовательно, история становления современной социолингвистической методологии, основы которой, по нашему мнению, были разработаны двумя выдающимися социолингвистами второй половины

XX в. – У. Лабовым и Б. Качру и их последователями.

Один из основателей современной социолингвистики, американский исследователь Уильям Лабов, лаконично определяет ее как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте» [14]. Дж. Гамперц добавляет, что социолингвистика – это учение о воздействии всех и каждого аспекта общества, включая культурные нормы, ожидаемые результаты и контекст, на то, как используется язык и как использование языка воздействует на общество [33, с. 532].

В. И. Беликов и Л. П. Крысин расширяют это определение, указывая, что внимание социолингвистов обращено не на собственно язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка: от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т. п.) до особенностей конкретного речевого акта [3, с. 8].

В формулировке С. Г. Тер-Минасовой, социолингвистика vs. лингвистическая социология – это «раздел языкознания, изучающий обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: с одной стороны, условиями коммуникации (временем, местом, участниками, целями и т. п.), с другой стороны, обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива» [20, с. 30].

В. Ю. Михальченко выделяет три этапа формирования российской социальной лингвистики как науки и, соответственно, активной разработки ее понятийного аппарата:

– первый этап (1920–1930-е годы) – период языкового строительства, для которого были характерны поиски путей функционального развития письменных языков России и создание письменностей для ранее бесписьменных языков;

– второй этап (1970-е годы) – период теоретического осмысления социальной лингвистики; создание и публикация теоретиче-

ских трудов Ю. Д. Дешериева, В. А. Аврорина, Л. Б. Никольского, А. Д. Швейцера;

– третий этап – современный этап развития социолингвистики, основным показателем которого является осознание необходимости разработки понятийного аппарата; начало лексикографической работы [16, с. 27–34].

Раскрывая классификацию В. Ю. Михальченко, ее ученица С. В. Кириленко отмечает, что предшественником российских лингвистов, объединяемых временными рамками первого этапа, был И. А. Бодуэн де Куртене, который изучил социальную природу индивидуальных речевых актов и выдвинул идею социальной дифференциации языка [11, с. 20]. Рассматривая языковую систему как обобщающую конструкцию, он раскрыл основные свойства динамической системы языка и подчеркнул, что в языке, как в естественном процессе, все находится в постоянном изменении: «в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [4, с. 349]. По словам российского историка социолингвистики В. М. Алпатов, «языковые изменения И. А. Бодуэн де Куртене понимал как системные, связанные с проявлением той или иной общей тенденции» [1, с. 126].

В. М. Алпатов [2] утверждает, что первым исследованием по социологии языка была книга Р. О. Шор «Язык и общество» (1926), которая знаменовала начало советского периода развития российской социолингвистики. В этой работе был впервые представлен собственно термин «социология языка» и была сделана попытка выявить изменения в языке, вызванные социальным воздействием общества на язык. Р. О. Шор подняла проблему вариативности языка, связанной с социально-экономическими изменениями в обществе: «...язык есть явление социальное <...> если среда, в которой и через которую сохраняется и передается язык, есть среда социальная, то, очевидно, всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социаль-

ные (и лежащие в их основе экономические), изменения в жизни того коллектива, достоянием которого язык этот является» [25, с. 100].

Проблематика социальной дифференциации языка расширена в исследованиях Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Е. Д. Поливанова и др., на основе которых была создана социальная диалектология, утверждавшая необходимость изучения некодифицированных разновидностей языка для понимания внутреннего устройства системы всего национально-го языка.

Б. А. Ларин, один из первых советских социолингвистов, автор работ о городском арго, двудиалектности или городском билингвизме, о лингвистической характеристике города, активно занимался проблемами новой науки – «социологической лингвистики» или «лингвистической социологии», считая эти два термина тождественными. Е. Д. Поливанов предпочитал термин «социологическая лингвистика», и в начале 1930-х годов он заложил ее основы как научной парадигмы, сформулировав главные проблемы, среди которых – описание языков и диалектов с социологической точки зрения; анализ языка как средства общения; изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; связь с историей культуры; языковая политика, и т. д. [11, с. 24].

В. М. Жирмунский указал на два основных направления исследований новой отрасли языкознания, которую он называл «социальная лингвистика»: изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и изучение социальной обусловленности развития языка [10, с. 14]. Решая две указанные проблемы, социолингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается в различных социумах, т. е. раскрывает механизм взаимодействия социальных и языковых факторов, обуславливающих контакты между представителями различных социальных групп [13, с. 4].

В советском языкознании, в силу его идеологической мотивированности, было принято подчеркивать особый приоритет отече-

ственного пути развития социолингвистики. Так, в первом вузовском «Введении в социолингвистику» (1978) его авторы А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский писали, что «в отличие от некоторых других стран, где «социолингвистический бум» возник, по существу, на пустом месте, в нашей стране возрождение интереса к социолингвистической проблематике представляет собой возобновление и продолжение традиции, восходящей к самому раннему периоду в истории советского языкознания, когда в трудах Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, В. М. Жирмунского, М. В. Сергиевского, Л. П. Якубинского, К. Н. Державина и других видных советских лингвистов закладывались основы нового направления» [24, с. 6].

Тем не менее можно достаточно обоснованно предположить, что в отечественном языкознании возрождение интереса к социолингвистической проблематике в 1960–1970-х годах было в немалой степени стимулировано исследованиями западных, в первую очередь, американских социолингвистов, отдельные труды которых публиковались с 1960 г. в серии «Новое в лингвистике». Составителем и редактором первых четырех выпусков был В. А. Звегинцев; шестой выпуск (1972), составленный В. Ю. Розенцвейгом, был полностью посвящен проблематике языковых контактов, интерференции, двуязычию, конвергенции контактирующих языков; седьмой выпуск – «Социолингвистика» (1975) – под редакцией и с предисловием Н. С. Чемоданова содержал работы ведущих социолингвистов: У. Лабова, Д. Хаймса, С. Эрвин-Трипп, Дж. Фишера, Ч. Фергюсона, Э. Хаугена.

А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский, косвенным образом ссылаясь на ранние работы У. Лабова, отмечали в 1978 г., что социолингвистика в США возникла как реакция на «микролингвистический изоляционизм» дескриптивизма, а ее известные успехи стимулируются необходимостью решения некоторых внутренних языковых проблем, таких как проблема языков иммигрантов, социально обусловленная диглоссия и существование социолектов, в том числе социолекта американских негров [24, с. 86].

В своей докторской диссертации 1966 г., посвященной стратификации английского языка в Нью-Йорке, У. Лабов писал, что серьезное социолингвистическое исследование вариативности произношения потребовало разработки эксплицитной теории фонологической структуры, использования магнитофонов, спектрограмм, процедур отбора образцов, технологий, способных обрабатывать большие массивы данных [40, с. 16].

Разработанная У. Лабовым методология социолингвистических исследований оказалась актуальной и важной для распространения методов экспериментально-статистического моделирования, обусловленного новым пониманием объекта социолингвистики как континуума, как вероятностной динамической системы языка [9, с. 12; 22, с. 8], который, по словам С. Г. Тер-Минасовой, «одновременно выполняет интегрирующую функцию по отношению к представителям говорящего на нем коллектива, и разобщающую функцию по отношению к тем, кто к данному коллективу не принадлежит» [20, с. 15].

Идеи У. Лабова возникли отнюдь не на пустом месте. По утверждению британского ученого Дж. Джозефа, социолингвистике как самостоятельной отрасли лингвистики, исследующей социальную мотивацию языковых изменений, предшествовала разработанная в XIX в. волновая модель распространения индоевропейской семьи языков [37].

В статье об исторических корнях современной социолингвистики канадский исследователь К. Кернер считает одним из ее предшественников американского филолога XIX в. У. Уитни, первого американского теоретика языкознания, основоположника американской лингвистической школы и иностранного члена-корреспондента Петербургской академии наук. У. Уитни писал, что речь принадлежит человеку не как индивидууму, а как члену общества, и любое изменение, даже если оно появляется в речи одного человека, становится фактом языка только после того, как его принимает и использует все сообщество. К. Кернер прослеживает линию преемственности этой идеи от У. Уитни к Ф. Соссюру и его

ученику А. Мейе, затем от А. Мартине к У. Вайнрайху и его ученику У. Лабову [39, с. 57].

В своей докторской диссертации “The social stratification of English in New York City” (1966) У. Лабов анализирует выдвинутое в 1905 г. положение А. Мейе о социальном характере языковой вариативности: «...из того факта, что язык – это социальный институт, следует, что лингвистика – это социальная наука, и единственная переменная, к которой мы можем обратиться, чтобы объяснить языковые изменения – это социальные изменения, следствием которых, собственно, и является языковая вариативность. Мы должны определить, какая социальная структура соответствует данной языковой структуре, и как в общем виде изменения в социальной структуре транслируются в изменения в языковой структуре» [40, с. 15].

Историк социолингвистики Р. Шай поясняет, что тезис А. Мейе о взаимосвязи социальных и языковых изменений не мог получить теоретического обоснования, т. к. интересы предшествующей лингвистики XIX в. были ограничены вопросами этимологии, родства и эволюции языков, а в начале XX в. внимание исследователей сосредоточилось на проблемах культурного релятивизма и структурной организации универсалий языка [43, с. 4]. Суть подхода А. Мейе определяется отношением к языку как к социальному явлению, возникшему из потребности общения. Продолжатель его идей А. Мартине выделяет три основные функции языка: коммуникативную, экспрессивную и эстетическую. Под экспрессивной функцией он понимает роль языка как средства выражения мыслительного процесса индивида и отношения говорящего к экстралингвистическим факторам безотносительно к наличию коммуникации. Эстетическая функция тесно связана с двумя первыми, обусловлена ими и является гораздо более сложной для анализа [15, с. 367–370].

Под руководством А. Мартине была написана диссертация его ученика У. Вайнрайха «Языковые контакты» (“Languages in Contact”, 1953), основанная на его полевых исследованиях двуязычия в Швейцарии и став-

шая первой монографией, специально посвященной явлению трансференции и интерференции [5]. Эта работа способствовала становлению американской социолингвистики и положила начало контактной лингвистике.

Под руководством У. Вайнрайха была написана диссертация его ученика У. Лабова “The social stratification of English in New York City” (1966). Выступая перед аудиторией Летнего института лингвистики в 1997 г. в Далласе (Техас), У. Лабов сказал, что У. Вайнрайх оказал сильное влияние на многих ведущих социолингвистов и в том числе на самого У. Лабова [41, с. 147]. Уже после смерти У. Вайнрайха в 1967 г. вышла написанная им совместно с У. Лабовым и М. Херцогом книга «Эмпирические основания теории языковых изменений» (“Empirical Foundations of a Theory of Linguistic Change”, 1968), где определялась необходимость социолингвистического подхода для объяснения языковых изменений.

Термин «социолингвистика» в современном понимании этой науки утвердился во второй половине XX в. Как сообщили организаторы упомянутого выше Летнего института лингвистики К. Полстон и Г. Такер, этот термин впервые появился в 1939 г. в названии статьи британского журналиста Т. Ходсона “Sociolinguistics in India”, опубликованной в журнале “Man in India” [42]. Через 10 лет его использовал американский лингвист Ю. Найда в своей книге “Morphology; The Descriptive Analysis of Words” (1949). Тем не менее принято считать, что приоритет в популяризации этого термина принадлежит другому американскому лингвисту – Х. Карри, который открыл его для широкой научной общественности после опубликования статьи “A Projection of Socio-Linguistics: The Relationship of Speech to Social Status” в 1952 г. Однако же вплоть до конца 1960-ых гг. исследователи, работавшие в этом интенсивно развивающемся научном направлении, изучавшем взаимовлияние языка и общества, могли равным образом использовать термины «социолингвистика» и «социология языка». Позднее, как пишут Кр. Полстон и Г. Та-

кер, их интересы разделились, и к области социолингвистики стали относить описания изменений в структуре языка, а к области социологии языка – языковые явления, вызванные изменениями в структуре общества [42].

В Предисловии к Руководству по социолингвистике (“The SAGE Handbook of Sociolinguistics”, 2010), антологии трудов ведущих социолингвистов, ставшей наиболее полной социолингвистической энциклопедией, один из составителей и авторов Руководства – британский лингвист П. Керсуил – приводит имена шести основоположников социолингвистики: У. Лабова, Б. Бернштейна, Д. Хаймса, Дж. Гамперца, Ч. Фергюсона и Дж. Фишмана [38, с. 1–2]. Составленный П. Керсуилом список выдающихся ученых, положивших начало социолингвистике как самостоятельной отрасли языкознания, был расширен его коллегой – известным израильским социолингвистом Б. Спольски, который предложил включить в число основателей социолингвистики У. Вайнрайха, Э. Хаугена и С. Эрвин-Трипп [44, с. 4–5].

У. Лабов оказал наибольшее влияние на весь последующий процесс социолингвистических исследований, поскольку его целью было «не столько дать новую теорию языка, сколько снабдить ее новым методом работы» [14, с. 118], разработать новаторскую технику исследования языковой дифференциации и обосновать понятийный аппарат для описания языковых вариаций, что он сделал уже в своих первых работах 1963–1966 гг. Модель У. Лабова использует понятие языковой переменной, то есть величины, характеризующей вероятность появления того или иного варианта в речи носителя языка; эта величина в большой степени зависит от ситуации, а также от социальной характеристики говорящего [3, с. 112]. Такая модель может представлять собой адекватное описание ситуации сосуществования разных регистров одного и того же языка не только в языковой компетенции индивида, но и в языковой компетенции всего сообщества.

В трактовке Н. Хомского языковая компетенция – это система интеллектуальных

способностей, система знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами регулирует виды поведения [21, с. 91–92]. На основе введенного Н. Хомским понятия «языковая компетенция» Д. Хаймс обосновал представление о «коммуникативной компетенции» [36], которую он определял как знание языка и способность его использовать в конкретных ситуациях (communicative competence involves knowing what to say to whom in what circumstances and how to say it [36, с. 282, 283]). Д. Хаймс выделял в структуре коммуникативной компетенции четыре компонента: лингвистическую компетенцию – знание языкового кода, т.е. грамматики, словаря, произношения; социолингвистическую компетенцию – знание приемлемых социокультурных правил коммуникации; дискурсивную компетенцию – знание организации продуцирования и восприятия устных и письменных текстов; стратегическую компетенцию – способность распознавать и исправлять неудачи понимания в процессе коммуникации. Анализируя индивидуальную коммуникативную компетенцию, Д. Хаймс подчеркивал, что она реализуется только в пределах языкового сообщества [36, с. 284–290].

Дж. Гамперц определил языковое сообщество как социальную группу, одноязычную или многоязычную, единство которой поддерживается частотой различных типов социального взаимодействия, и которая ограничена от окружающих областей слабостью своих связей с ними. В зависимости от уровня абстракции, которого исследователь хочет достичь, языковые сообщества могут состоять из небольших групп, члены которых связаны личными контактами, или распространяться на значительные территории [7].

В качестве примера небольших групп могли рассматриваться отдельные социально-профессиональные группы, постоянно пользующиеся неким гибридным пиджинизированным языком, который, по утверждению Ч. Фергюсона и Ч. Де Боза, в свободной коммуникации передает максимальную информацию с минимальной избыточностью и ха-

рактируется урезанным словарем, своеобразными синтетическими и аналитическими формами, упрощенным синтаксическим аппаратом [28, с. 120].

В 1960–1970-е гг. оформились представления о языковом планировании, теоретиком которого стал норвежский социолингвист Э. Хауген, первоначально исследовавший осуществление языковой политики в Норвегии, а позднее и те вопросы, которые относились, в основном, к странам третьего мира, перед которыми стояли проблемы стандартизации и модернизации национального языка как объединяющего нацию фактора [35].

В трудах У. Вайнрайха, Ч. Фергюсона, Дж. Фишмана, Е. Хаугена, Дж. Гамперца и других основоположников социолингвистики была разработана теория языковых контактов, которая охватывает сферы исследований влияния одного языка на другой либо взаимного влияния контактирующих языков, конвергентного развития отдельных групп языков, создания языковых союзов и т. д. Социокультурные условия языковых контактов, как пишет У. Вайнрайх, определяются окружающей средой, которая «может закреплять даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом». Рассматривая психологическую и социокультурную обстановку языковых контактов, У. Вайнрайх отмечает в числе формирующих ее факторов такие проявления традиционного сознания или поведения, как отношение двуязычного индивида к языкам (в том числе идиосинкретическое или стереотипное), размер двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или дифференциация, социальные и политические отношения между этими подгруппами, доминирование двуязычных лиц, престиж, отношение к культуре каждого из языковых сообществ [5, с. 25].

Результатом языковых контактов был билингвизм, который У. Вайнрайх определял как практику попеременного пользования двумя языками, а лиц, ее осуществляющих, называл двуязычными [5, с. 22]. В рамках билингвизма обнаруживаются «примеры сме-

шения норм каждого из двух языков» [5, с. 1]. Говоря о смешении языков, У. Вайнрайх указал два основных интерференционных аспекта – межъязыковое отождествление элементов контактирующих языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка.

Рассматривая интерференцию в коммуникативном плане, У. Вайнрайх выделил два ее типа: коммуникативно-релевантную интерференцию, т. е. такой тип интерференции, при котором ошибки билингва в речи на вторичном языке значительно затрудняют взаимопонимание или делают его вовсе невозможным, и коммуникативно-нерелевантную интерференцию, т. е. такой тип, который, хотя и не связан с искажением информации, может оказать влияние на получателя сообщения (акцент, ошибки, связанные с нарушением узуса и т. п.) [5, с. 22]. Дж. Гамперц отмечал, что на фонологическом/фонетическом уровне интерференция проявляется через влияние артикуляции, интонации, ритмики, ударения первого, более сильного языка на соответствующие параметры произношения второго языка [31, с. 144].

Представление о попеременном использовании двух и более языков в процессе одной коммуникативной ситуации, т. е. о переключении кодов, было сформулировано Дж. Гамперцем в 1973 г. как явление, присущее коммуникативной компетенции билингвов [31]. Как нашла С. Эрвин-Трипп, переключение кодов может охватывать несколько высказываний и словосочетаний или даже одно слово и происходить в соответствии с предметом и целью обсуждения, что особенно часто происходит в двуязычных сообществах, группах, семьях и т. п. [26]. На микро-социолингвистическом уровне ПК служит широкому диапазону коммуникативных целей межличностного общения [26; 30; 31]. По мнению Дж. Гамперца, переключение кодов следует рассматривать как элемент контекста, одну из многих лингвистических и невербальных процедур, которые можно использовать для распознавания как социальных так, и интерактивных контекстуальных пресуппозиций [32, с. 131].

Предложенный выше краткий обзор классиков современной социолингвистики будет неполным, если не привести имена ведущих исследователей британской школы социолингвистики Дж. Р. Фирта, М. А. К. Хэллидея, П. Традгилла.

Ученик этнографа Б. Малиновского, разработавшего понятие ситуативного контекста – context of situation, Дж. Р. Фирт рассматривал понятие ситуации или контекста в качестве основного понятия теории языка и считал, что оно должно было служить ключом к пониманию всех семантических феноменов. Дж. Р. Фирт фактически впервые предложил перечень компонентов ситуации разговора, который включал в себя участников, вербальные и невербальные действия, релевантные темы разговора и эффекты сказанного. Он руководствовался функциональным подходом к языку и связывал специфические языковые формы с функциями, специфическими для каждой ситуации функции [29, с. 7–33, 181]. Примечательно, что он посвятил ряд работ языкам Индии и вообще утверждал, что в период всеобщего распространения английского языка ученым следует выйти за пределы Европы: *A western scholar must de-europeanize himself, and, in view of the most universal use of English, an Englishman must de-Anglicize himself as well.* Знакомство с фонологическими системами языков Индии, которому он называл *home of phonetics*, послужило для него стимулом разработки оригинальной фонетической теории [29, с. 7–33, 96, 181].

Взгляды Б. Малиновского и Дж. Р. Фирта получили свое развитие в исследованиях британского ученого М. А. К. Хэллидея и его учеников [8, р. 216]. М. Хэллидей был наиболее известным представителем системно-функциональной лингвистики, разработавшим теорию разговорной лингвистики, которая расширила понятие ситуативного контекста за счет трех ситуативных факторов: а) социального действия, цели и темы, б) участников коммуникации и их отношения и в) канала – риторического жанра, языка в общем контексте действия, который вероятностным

образом коррелирует с языковыми формами [34, с. 3–14, 52–69]. Обладая знанием ситуации, можно с большей или меньшей точностью предсказать использованные языковые формы и семантики и сделать вывод о контексте ситуации, однако ситуация при этом считается детерминирующим фактором. Особую эффективность данный подход обнаружил в дидактике языка, в исследовании профессионального языка и дискуссионных связей в области языковой политики [8, с. 220].

М. Хэллидей стал одним из научных руководителей диссертационного исследования молодого индийского лингвиста Б. Качру, который всегда считал своим идейным вдохновителем Дж. Фирта – одного из первых социолингвистов, утверждавших право на самостоятельность и возможность выражения культурной идентичности разных вариантов английского языка, а не только британского. В 1961 г. Б. Качру защитил докторскую диссертацию, в которой обосновал статус и локальные особенности индийского варианта английского языка, и с этого времени можно начинать отсчет развития новой лингвистической парадигмы, строящейся на описании функционирования региональных вариантов английского языка [19, с. 173].

Одним из наиболее известных современных представителей британской социолингвистической школы является П. Традгилл. Как пишет Н. Б. Вахтин, П. Традгилл был первым, кто применил и развил социолингвистические методики, разработанные Уильямом Лабовым, к исследованию английских социальных диалектов [6, с. 301]. Первая книга П. Традгилла “*The Social Differentiation of English in Norwich*” (1974), в основу которой легла его диссертация, до сих пор является образцом применения этого метода.

Необходимо также упомянуть сложившуюся социолингвистическую школу Канады, ведущим исследователем которой является Дж. Чеймберс, и доминирование там вариационной социолингвистики. Автор концепции вариационизма в социолингвистической диалектологии Дж. Чеймберс применил социофонетическую методику У. Лабова и описал

топографию канадского варианта английского языка. Он объяснил географическую дистрибуцию канадских диалектов, опираясь на две фонологические переменные: слияние двух низких задних гласных в одну и аллофонический подъем дифтонгов в открытой начальной позиции – Canadian raising [27].

И, наконец, отметим сложившиеся в конце XX – начале XXI вв. российские социолингвистические школы, которые, на наш взгляд, вносят наиболее системный вклад в развитие транснациональной социолингвистической методологии.

Школа интерлингвокультурологии В. В. Кабакчи, который заложил фундамент этого нового направления социолингвистики, ориентированного на проблемы взаимовлияния языков и культур, англоязычного описания русскоязычной культуры, вербальной межкультурной коммуникации, билингвокультурологии.

Петербургская школа социолингвистов-североведов Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки, исследующая антропологические и социальные аспекты языка и речевой коммуникации, межкультурное и межъязыковое взаимодействие, вопросы языка, культуры и этничности народов циркумполярной зоны социолингвистические проблемы России и государств постсоветского пространства.

Основанное З. Г. Прошиной российское направление контактной вариантологии английского языка как отрасли лингвоконтактологии, рассматривающей взаимодействие языков в связи с контактами народов, пользующихся этими языками. Одно из подразделений лингвоконтактологии – контактная вариантология английского языка, или World Englishes Paradigm – новая лингвистическая дисциплина, созданная Б. Качру и его последователями, определяет варианты английского языка как особые языковые образования, языки социумов, характеризующиеся, прежде всего, социолингвистической природой.

Развитие и расширение межрегиональных и межнациональных контактов, интенсивная миграция, современные интеграционные процессы – эти и другие факторы обуслов-

ливают рост языковых контактов и, как следствие, расширение сферы взаимодействия языковых кодов. Взаимодействие языковых кодов представляет своего рода «этнолингвистический перекресток», и процесс интенсификации исследований переключения кодов идет рука об руку с развитием межнациональных и межкультурных контактов [18, с. 123].

На этом «этнолингвистическом перекрестке» встретились интересы социолингвистики У. Лабова и других основоположников этой отрасли языкознания с интересами исследователей, в первую очередь, Б. Качру и его сподвижников, положивших начало социолингвистике глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты.

Социолингвистические исследования начала XXI в. являются, во-первых, логическим развитием тезисов о взаимодействии языка и общества, декларированных выдающимися лингвистами второй половины XIX – первой половины XX вв. Во-вторых, независимо от конкретного объекта исследования того или иного автора, они выполняются в ключе направлений, основы которых заложили классики социолингвистики: теории языковых контактов, конвергенции контактирующих языков и конвергентного развития отдельных групп языков, билингвизма и мультILINGVИЗМА, языковой ситуации и языковой политики, смешения языков и функционирования гибридных языков и т. д.

Отдавая должное всем ученым, выдвигавшим идеи относительно взаимозависимости языка и общества, и всем исследователям, изучавшим те или иные аспекты социолингвистической проблематики, необходимо уточнить наше понимание роли У. Лабова. Наша оценка У. Лабова как основоположника современной социолингвистики заключается в том, что именно он заложил новую систему лингвистического знания, построив архетип модели той лингвистической реальности, стержнем которой является принцип социальной обусловленности языка и которая использует понятие языковой переменной – величины,

характеризующей новые варианты языка и коммуникативную компетенцию членов их сообществ.

Расширяя поле интересов современной социолингвистики, Б. Качру и его сподвижники разработали теорию контактной вариантологии, ставшую основой социолингвистики глобального английского языка как важнейшего компонента мирового языкового процесса, двигателем которого являются языковые контакты. Плюрицентричный характер английского языка на современном этапе проявляется в существовании нескольких видов нормативных моделей, отражающих структуру глобального языкового континуума, в пределах которого взаимодействуют чрезвычайно разнородные явления.

Российские исследователи, принадлежащие к интернациональному сообществу социолингвистов, развивают направления, намеченные У. Лабовым, Б. Качру и другими основателями социолингвистики, и открывают новые конструкты модели современного мира, развертывание которых приводит к появлению новых концепций, отражающих языковые особенности глобализации.

АННОТАЦИЯ

В статье построена схема последовательных этапов становления социолингвистики как самостоятельной отрасли языкознания, раскрывающей взаимосвязь языка и социума. Целью анализа этих этапов является воспитание у начинающего социолингвиста осознания преемственной связи любого социолингвистического исследования с идеями предшественников и концепциями основателей социолингвистики, независимо от конкретного объекта исследования. Эволюция транснациональной социолингвистики трактуется как единый процесс, стимулированный идеями лингвистов второй половины XIX – первой половины XX вв., начатый ее основателями во второй половине XX в. и подхваченный современными социолингвистами. Подчеркивается вклад У. Лабова, Б. Качру и российских ученых в развитие социолингвистической методологии.

Ключевые слова: социолингвистика, социолингвистические школы, преемственность,

концепция Лабова, контактная вариантология Качру.

SUMMARY

The article delineates an original scheme of successive stages of the foundation of sociolinguistics as an independent branch of linguistics investigating interrelations of language and society. The scheme is aimed at imposing on a beginner sociolinguist the idea of continuity of the field no matter how local or particular the research object may be. The evolution of transnational sociolinguistics is discussed as a unified process stimulated by the ideas of predecessor linguists, developed by the founders of sociolinguistics in the second half of the nineteenth and first half of the twentieth centuries, started by its founders in the second half of the twentieth century and adopted by modern researchers. The contributions of Labov, Kachru and Russian scholars into sociolinguistic methodology are emphasized.

Key words: sociolinguistics, sociolinguistic schools, continuity, Labov's theory, Kachru's World Englishes paradigm.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Алпатов В. М. Розалия Осиповна Шор и ее книга // Шор Р. О. Язык и общество. – Изд. 3-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
4. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Некоторые из общих положений, 1897 // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – С. 348–351.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты. – К.: Вища школа, 1979. – 264 с.
6. Вахтин Н. Б. Рецензия на книгу Peter Trudgil. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. – Oxford: Oxford University Press, 2011 (reprinted 2012). – 236 p. // Антропологический форум. – 2014. – № 22. – С. 301–309.

7. Гамперц Дж. Типы языковых сообществ // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 182–198.
8. Деперман А., Шпранц-Фогейс Т. Теории и свойства ситуации разговора // Анализ образовательных ситуаций: сб. научн. ст. / под ред. А. М. Корбута и А. А. Полонникова. – Минск: БГУ, 2008. – С. 209–243.
9. Ерофеева Е. В. К вопросу о природе подсистем языка // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 2002. – Вып. 1. – С. 12–16.
10. Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество: сб. статей. – М.: Наука, 1968. – С. 9–39.
11. Кириленко С. В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 276 с.
12. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
13. Конечкая В. П. Социология коммуникации: учебник. – М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с.
14. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. – 1975. – № 7. – С. 96–181.
15. Мартин А. Основы общей лингвистики / пер. с франц. В. В. Шеворошкина // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – Вып. 3. – С. 366–566.
16. Михальченко В. Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – С. 27–34.
17. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
18. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 123–127.
19. Прошина З. Г., Иванкова Т. А. World Englishes paradigm, или контактная вариантология английского языка (предисловие к переводу) // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. 12. – № 53/54. – С. 173–174.
20. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
21. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 122 с.
22. Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи в свете теории социолингвистических переменных У. Лабова // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. статей. – Пермь: Перм. ун-т, 2003. – Вып. 2. – С. 8–13.
23. Швейцер А. Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 481–482.
24. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
25. Шор Р. О. Язык и общество. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Либроком, 2010. – 160 с.
26. Эрвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. VII. Социолингвистика. – С. 336–362.
27. Chambers J. K. English in Canada // Canadian English: A Linguistic Reader. – Ontario: Queen's University Kingston, 2010. – P. 1–39.
28. Ferguson C. A., De Bose C. Simplified Registers, Broken Language and Pidginization // Pidgin and Creole linguistics. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1977. – P. 99–125.
29. Firth J. R. Papers in Linguistics, 1934–1951. – London: Oxford University Press, 1957. – 233 p.
30. Fishman J. A. Sociolinguistics and the Language Problems of the Developing Countries / J. A. Fishman, C. A. Ferguson and J. D. Gupta (eds) // Language Problems of Developing Nations. – New-York: John Wiley and Sons, 1968. – P. 3–16.
31. Gumperz J. J. The Communicative Competence of Bilinguals: Some Hypotheses and Suggestions for Research // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 143–154.
32. Gumperz J. J. Discourse Strategies. – Cambridge Univ. Press, 1982. – 225 p.

33. Gumperz J. J., Cook-Gumperz J. Studying Language, Culture, and Society: Sociolinguistics or Linguistic Anthropology? // *Journal of Sociolinguistics*. – 2008. – № 12(4). – P. 532–545.
34. Halliday M. A. K., Ruqaiya Hasan. *Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. – Victoria, 1985. – 126 p.
35. Haugen E. *The Ecology of Language*. – Stanford, 1972. – 366 p.
36. Hymes D. H. On Communicative Competence / J. B. Pride, J. Holmes // *Sociolinguistics: Selected Readings*. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.
37. Joseph J. E., T. C. Hodson and the Origins of British Sociolinguistics // *Sociolinguistics Symposium 15*. April, 2004. – Newcastle-upon-Tyne [Электронный ресурс]. – URL: http://conferences.ncl.ac.uk/ss15/papers/paper_details.php?id=304.
38. Kerswill P. Introduction / R. Wodak, B. Johnstone, P. E. Kerswill (eds.) // *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*. – SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 1–2.
39. Koerner K. Toward a History of Modern Sociolinguistics // *American Speech*. – 1991. – № 66. – P. 57–70.
40. Labov W. *The Social Stratification of English in New York City*. – Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1966. – 501 p.
41. Labov W. Sociolinguistic Patterns in C. B. Paulston and G. R. Tucker (eds), *The Early Days of Sociolinguistics: Memories and Reflections*. – Dallas, TX: The Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 147–158.
42. Paulston Chr. B., Tucker G. R. The Early Days of Sociolinguistics: Memories and Reflections // *Publications in Sociolinguistics 2*. – Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1997. – 362 p.
43. Shuy R. W. A Brief History of American Sociolinguistics, 1949–1989 / Chr. B. Paulston and G. R. Tucker (eds.) // *The Early Days of Sociolinguistics: Memories and Reflections. Publications in Sociolinguistics 2*. – Dallas: Summer Institute of Linguistics. – 1997. – P. 11–32.
44. Spolsky B. Ferguson and Fishman: Sociolinguistics and the Sociology of Language / R. Wodak, B. Johnstone, P. E. Kerswill (eds.) // *The SAGE Handbook of Sociolinguistics*. – SAGE Publications Ltd, 2010. – P. 3–15.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

И. А. Герасименко

УДК 81'373:791.43:004.928

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ДИСКУРСА МУЛЬТИПЛИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одним из аспектов филологического образования является обучение речевой культуре, которая предполагает элитарное, эталонное владение языком, свободное использование всех его возможностей и соблюдение всех норм. Ввиду того, что экспансия ненормированных языковых средств по сравнению с нормотворчески значимыми единицами книжно-письменного литературного языка захватила все коммуникативные сферы, обозначенный кластер современного образования как никогда актуальный. К сожалению, разговорные единицы стали определяющими языковыми знаками речевого портрета современника, выступили доминирующими маркерами его обыденного языкового сознания, превалируя не только в текстах неофициального общения, но и в публичной коммуникации. Речь ребёнка не является исключением. Наряду с единицами литературного языка она насыщена субъективной оценочной лексикой просторечного и жаргонного характера, словами-паразитами, окказионализмами и речевыми штампами. Источником данного массива слов выступает окружающая языковая среда, в которой немаловажную роль играет мультипликация.

Цель статьи – проанализировать язык современных мультипликационных текстов в аспекте филологического образования. Для достижения обозначенной цели решаются следующие задачи: установить состав книжно-письменных и разговорных субъективно-